

Марцевная Вера
Петровна
(и 100 лет спустя добился
с 12 - 27 июля - 2 августа 2006 г.
сегодня рождение)

ПОД ЗАНАВЕС

Парадоксальная и непредсказуемая

К 100-летию со дня рождения Веры Марцевой

Кучинская -

В июле 2006 года отмечается 100-летие со дня рождения Веры Петровны Марцевой. Знвшие актрису лично запомнили ее озорной и жизнерадостной, остроумной и заразительно-оптимистичной. Но даже тех, кто был с ней рядом долгие годы, Вера Петровна часто поражала своей непредсказуемостью. В ней парадоксально сочетались беспечность и трезвая практичность, наивность и народная мудрость, доброта и резкая бескомпромиссность, смешливость и скрытая от чужих глаз глубина страдания, демократичность и повышенная требовательность к себе и окружающим. Марцевая была одной из самых знаменитых актрис своего времени, но никто и никогда не замечал в ней надменности или высокомерия. Марцевая никогда не "преподносила" себя как звезду, хотя имела на то все основания и со стороны выглядела баловнем судьбы. Однако жизнь нередко жестоко и беспощадно испытывала ее на прочность. Спасали неустрашимая энергия и работоспособность, неиссякаемый юмор и увлеченность окружающим миром.

"Сегодня в цирк не пойдешь!" - эти слова матери становились для маленькой Веры самым большим наказанием, ведь цирк она просто обожала: восхищалась борцами и клоунами, а в мечтах представляла себя ловкой наездницей. Между тем семья жила трудно, вещи нередко описывали за долги. Отец - коренной москвич Петр Григорьевич Марцевский - с 1912 года арендовал фруктовый буфет в цирке Никитиных, а после революции остался работать продавцом-буфетчиком при Втором Госцирке. Мать - Мария Васильевна - была родом из Смоленской губернии. Образования она не имела, хотя очень любила книги и театр, к которому, несмотря на материальные трудности, старалась приучать детей. У Веры было два старших брата - Григорий и Дмитрий, а также младшая сестра - Татьяна.

Жила сначала в полуподвальном помещении на Маросейке, потом переехали в дом у Покровских ворот. Предельно скромная обстановка квартиры состояла из выданных виды комода, простеночного буфета, железных кроватей и венских стульев. Родители всеми силами стремились дать детям образование. Братьев определили в коммерческое училище, а сестер в Елизаветинскую женскую гимназию. Училась Вера хорошо и даже получала похвальные листы "за отличные успехи и благонравие". Больше же всего девочка любила книги, взахлеб читала Толстого и Чехова, Диккенса и Мопассана, а на гимназических вечерах декламировала Пушкина и Блока, Агуптина и Северянина.

Вера посещала театры, особенно Художественный, и, казалось бы, к концу учебы вполне определилась в своих пристрастиях. Однако неожиданно для самой себя она вдруг поступила на философский факультет Московского университета. Возможно, Вера еще была не уверена в своих силах, а может быть, на нее оказало влияние то, что братья, выбравшие "серьезные" профессии, относились к ее увлечению с насмешливойнисходительностью. Старший уже приступил к работе бухгалтера-инструктора, когда начался революция. Оба брата, вступив в партию, окончили Институт красной профессуры. Талантливый экономист Дмитрий стал заместителем редактора газеты "Правда", а историк Григорий работал в "Комсомольской правде", где трудилась и сестра Татьяна. Вера же, несмотря на исправное посещение лекций и искреннее желание постигнуть философские премудрости, пробыла в университете лишь год.

В 1922 году она решила штурмовать и училище Малого театра, и Шляпкинскую студию, и Третью студию Художественного театра. В первое ее не приняли, во вторую она успешно сдала экзамены, но в итоге избрала третью. Правда, шансов при поступлении у нее было не так уж много. У экзаменаторов, во главе которых был сам Евгений Вагратинович Вахтангов, нескладная девочка небольшого роста, с простоватыми чертами лица и небрежно причесанными волосами вызвала недоумение. Вступился за свою будущую ученицу, а впоследствии - неизменную и верную соратницу Юрий Александрович Завадский. И очень скоро всем стало

очевидно, что Марцевая - актриса вне амплуа.

Одаренность ученицы ни у кого не вызвала сомнений, но ее талант казался поначалу каким-то неопределенным и неуправляемым, как, впрочем, и она сама. Несмотря на то что Марцевая сразу очаровала всех своим лучистым даром и безыскусной простотой, ее нередко наказывали и даже дважды выгоняли из студии. Смешная девчонка с измазанными чернилами пальцами была ужасно рассеянной, безрассудной и неорганизованной. Как-то раз, отыграв в одном из спектаклей два акта и забыв о третьем, начинающая актриса в антракте разгримировалась и спокойно отправилась домой. И лишь случайно один из студийцев успел остановить ее на улице. Когда после одного из подобных "сюрпризов" вопрос об отчислении встал особенно серьезно, Марцевая, обойдя все руководство студии, поклалась, что исправится. И она действительно старалась. Однако как ей было побороть свою природную безалаберность и смешливость? Неудержимый смех охватывал озорную ученицу в самые неподходящие моменты, и она то и дело оказывалась за дверью. Но ее тяга к учебе была столь сильна, что Вера, притащив откуда-то лестнично, влезала на второй этаж, чтобы через окно наблюдать за занятиями.

Едва усвоив азы актерского мастерства под руководством Н.М.Горчакова и Ю.А.Завадского, семнадцатилетняя ученица уже проявила себя как многообещающая характерная артистка. А в феврале 1924 года в маленьком зале на тридцать человек Марцевая впервые появилась в роли нянюшки Клеменсы в инсценировке романа Ч.Диккенса "Битва жизни". Удачно Марцевой прикоснуться к знаменитой "Принцессе Турандот", выступив в роли Цанни, и пережить вместе с остальными первое большое горе - безвременный уход Вахтангова. В театр его имени была преобразована Третья студия, которую актриса окончила в 1924 году. Но Марцевую ждал иной путь.

В студии, которую решил организовать вместе со своими учениками Юрий Александрович Завадский, первые три года шла подготовительная работа. А потому никаких денег студийцам, конечно, не платили. Напротив, они все, где-то работая, вносили ежемесячно по три рубля, сами мыли полы, ставили декорации, шили костюмы, принимали пальто в гардеробе или становились за буфетную стойку. И все это делали с таким же азартом и радостью, как репетировали и играли. Ведь это был их театр, с которым связывалось столько устремлений и надежд. Марцевая стала одним из самых стойких строителей театрального дома, верной которому актриса оставалась до конца. И когда Марцевую впоследствии называли "хозяйкой театра", то для большинства было очевидно, что это звание ей заслужено и выстрадано. До последних дней она чувствовала ответственность за судьбу театра, у истоков которого стояла вместе с Завадским.

А тогда, в самом начале их общего пути, Марцевая и Завадский, объединенные строительством театрального дома, создали и свой дом, став в 1924 году мужем и женой. Громкие свадьбы устраивать было не приня-

В. Марцевая

то, да и сами молодые не стремились к этому, просто по дороге в театр зашли в ЗАГС и расписались. Поселились сначала у Марцевых, в доме на Покровке, а затем переехали в Мансуровский переулок, где прежде помещалась Третья студия Художественного театра и где по воле судьбы они впервые встретились. Двадцатитрехметровую комнату, в которой прежде размещался студийный зал, перегородили на две после рождения сына Жени.

Несмотря на то что фамилия Завадская появилась лишь в трудовой книжке, а в театре Вера Петровна для всех оставалась Марцевой, она страдала от того, что Юрию Александровичу теперь неловко было давать жене хорошие роли.

В середине 20-х - начале 30-х годов Марцевая начинает появляться на экране. Среди многих, ныне забытых картин были и те, которые всегда остались в истории кино. К примеру, такие еще немые ленты, как "Закройщик из Торжка" Я.Протазанова, где Марцевая, игравшая в дуэте с И.Ильинским, была на удивление достоверной, жизнерадостной и трогательно смешной Катей, или фильм "Дом на Трубной" Б.Барнета, в котором ей поручили эксцентричную роль такой же забавно шустрой и жизнерадостной прислуги Парани Литиновой. Все внешне выглядело легким, радостным и лучезарным в судьбе молодой актрисы. В профессии по большому счету так оно и было. Но в реальной жизни Марцевой в этот период уже пришлось столкнуться и с трагическими событиями, которые внезапно обрушились на ее близких.

В 1930-м брата Дмитрия исключают из партии, вменив ему в вину статью в "Правде" об уже гонимом в то время Бухарине. А затем следует и арест с последующей ссылкой на Север. Во время десятилетнего свидания сестра Татьяна едва успевает передать ему теплые вещи. Это короткое свидание с Дмитрием Татьяне припоминают в 1934-м и исключают из партии за связь с "врагом народа". Та же участь ждет и старшего брата -

Григория. Их арестовали в 1937-м.

Уже достаточно известную к тому времени актрису Веру Марцевую - сестру трех "врагов народа" - открыто не трогали. Но, конечно, не только потому, что она покоряла театральные зрители в классических ролях. С истинно лицевидским блеском сыграла в "Волках и овцах" А.Н.Островского Глафиру - обаятельно-смелую авантюристку и беззаботно-жизнерадостную комедиантку, расчленившую хитрую облыстительницу и самоуверенно-наглую хищницу. А потом появилась в образе шикарной парижской куртизанки Бетти Дорланж в "Школе неплательщиков" Л.Вернейля и Ж.Берра, в которой находила не только очаровательную пустоту, но и подкупающую искренность. Однако вряд ли мастерски сыгранные роли могли послужить своеобразной охранной грамотой для актрисы, чья семья не миновала страшную участь безвинно репрессированных. Но в 1936 году на экраны вышел фильм "Покорение победителей", рассказывающий о событиях 1905 года, в котором Марцевая сыграла в роли заботливой сироты Варвары Постниковой, нашедшей себя в революционном движении. Очевидно, за такую работу актрисе отчасти простилось и ее "неблагонадежное" родство, и "эксперименты" в театре Завадского.

Брак Веры Петровны и Юрия Александровича распался, когда их сыну Жене было только четыре года. Но Марцевой и в голову не приходило уйти от режиссера Завадского, хотя такие предложения ей поступали. Он до конца дней оставался для нее главным авторитетом, учителем и советником, мгновенно чувствовавшим малейшую неточность в ее исполнении. Без подсказок Завадского не обходился ни одна театральная работа Марцевой, даже если спектакль ставил кто-то другой. Она полностью доверяла его вкусу и мастерству, а в неустанных поисках красок и приспособлений для каждой новой роли не успокаивалась до тех пор, пока Завадский не давал добро. Они всю жизнь продолжали вместе строить свой театр, ревниво следя за тем,

что сделано порознь, трогательно оберегая и неизменно подбадривая друг друга в трудные минуты. Не наговорившись в театре, они продолжали общение у кого-то из них дома или по телефону, посылали подробные письма и открытки со стихами и рисунками. И даже в последние дни жизни судьба соединила их в одной больнице.

А тогда, в 1936-м, когда их театр, который давно ругали за увлечение "формалистическим экспериментаторством" и подверженность "эстетским влияниям", отправили подальше от Москвы, в Ростов, у Марцевой даже не возникло вопроса, ехать ей или нет. Там в ее доме поживит племянник Шура - сын Дмитрия, почти что ровесник Жени. Вера Петровна оставит его у себя до тех пор, пока он не уедет в ссылку к матери, в деревню Глухое Архангельской области. А в театре будет играть учительницу-революционерку Любовь Яровую в одноименной пьесе К.Тренева. Но сместит акцент в сторону личной драмы героини, сделав героиню непривычно-деликатной, обаятельно-женственной и страдающей от разлуки с мужем, за что опять получит упреки в "ошибочности" подобного подхода, не раскрывающего "пути интеллигентки к революционной борьбе". Не избежит Марцевая упреков в эстетстве и трокачестве и после того, как сыграет незадачливо-простодушную и тонко-жеманную королеву Анну в "Стахане воды" Э.Скриба или жизнерадостную, лукавую капризницу Катарино в "Укрошении строптивой" У.Шекспира. Страсть к эксцентризму, к острой, выразительной форме приравнивалась к легковесности и формализму. Достоинства актрисы нередко объявлялись недостатками. Из ролей, сыгранных во второй половине 30-х, наибольшее одобрение заслужила лишь энергичная, насмешливая и жизнерадостная "девушка из народа" Лиза в грибоедовском "Горе от ума", а также "рожденные революцией" советские героини в пьесах "На берегу Невы" К.Тренева, "Дорога на юг" И.Прута, "Павел Греков" Б.Войтхера и Л.Ленча, давно канувших в Лету.

От регулярных нареканий за театральные "эксперименты" Марцевую нередко спасает кино. Так, уже нелегко обвинять в эстетстве актрису после того, как она стала своеобразным символом "простой русской бабы", сыграв Александру Соколову в фильме "Член правительства" А.Зархи и И.Хейфица. Сегодня тема самоотверженной борьбы битой мужем крестьянки за колхозное строительство может быть интересна лишь как факт истории. Но тогда, в 1940-м, работа в этой картине принесла актрисе всеобщую известность. Марцевая получала множество благодарных, возланных, искренних писем со всех концов огромной страны. Конечно, в соответствии с четкими идеологическими установками в самом фильме было много надуманного, искусственно приукрашенного. Но сам образ Соколовой, пытаящейся найти себя в жизни, какой бы она ни была, остается обжигающе живым и по-прежнему вызывает интерес. Ведь Марцевая прежде всего играет судьбу человека на фоне времени - ее героиня проходит путь от запуганной, униженной женщины до самостоятельной, сильной личности, а эта тема, независимо от различных политических реалий, не устареет.

В театре же, возвращенном в Москву в 1940 году, Марцевая в последний предвоенный год сыграла две блистательные и прямо противоположные роли. Сначала она появилась перед соскучившейся по ней столичной публикой в образе обольстительно дерзкой и обворожительной хитрой, стремительно-легкой и чувственно-земной Мирандолы в "Трактирщике" К.Гольдони. Роль была сыграна с истинно вахтанговской яркостью и озорством, изяществом и грациозностью. Очаровательная насмешливость и природное лукавство, бешеный темперамент и жизненная энергия хозяйки гостиницы покоряли зал, который восторженно рукоплескал любимой актрисе. А затем вдруг

появилась угловатая девочка с пугливым взглядом, неуверенными жестами и ломающимся от волнения голосом. От роли главной героини в пьесе А.Афиногенова "Машенька" Вера Петровна долго отказывалась. Ведь ей уже было за тридцать, а играть предстояло пятнадцатилетнего подростка. Однако Завадский настаивал, и в итоге договорились о том, что репетировать будет молодая исполнительница, а Марцевая только попытается присмотреться к героине. Но оказалось, что скованность и неуверенность, которые появились у Веры Петровны, решившей взять на себя столь трудную задачу, стали своими будущими образами. Ведь Машенька чувствует себя неловко в чужом доме, ощущая горечь сиротства, обиду и отчаяние. Постепенно в процессе работы актриса открывала для себя внутренний мир этой чистой и цельной натуры, жаждущей понимания и любви. В конце концов Вера Петровна так "срослась" со своей героиней, что известный критик, прекрасно знавший артистку, на одной из репетиций поинтересовался фамилией талантливой дебютантки.

Война застала Веру Петровну на гастролях. Второй муж Марцевой - талантливый актер и театральный педагог Юрий Петрович Троицкий, - ушел на фронт. В октябре она выехала с эшелонном эвакуируемых из столицы. Из Свердловска уже вместе с театром Завадского, называвшимся теперь Театром имени Моссовета, актриса отправилась в Алма-Ату. Вплоть закономерно, что героико-патриотическая тематика стала главным критерием при формировании репертуара. И неслучайно выбор пал на пьесу К.Лилскерова и А.Кочеткова "Надежда Дурова", в которой было все, что отвечало духу времени: и героический сюжет, и жизнеутверждающий юмор, и вдохновенный образ смелой, мужественной и одновременно пленительно-женственной героини, сражающейся за свободу Родины. Там же, в эвакуации, Марцевая продолжала сниматься в кино. Но среди прочих работ была одна, которая особенно остро и жестко отражала окружающую реальность, а выпавшее на долю героини трагическое переживание с тем, что пришлось пережить и самой актрисе.

В фильме "Она защищает Родину" Ф.Эрмлера Марцевая не просто сыграла роль некогда счастливой, жизнерадостной, сердечной женщины, у которой фашизм отнял все: мужа, ребенка, дом - и которая, преодолев отчаяние и боль, превратилась в решительную, непреклонно-грозную мстительницу. Для миллионов зрителей Прасковья Лукьянова стала воистину народной героиней. Фильм не только широко шел по стране, его показывали и на фронте. А актриса получала множество писем, в которых нередко сообщалось, что именно после просмотра картины многие ушли на фронт добровольцами или шли в партизанские отряды. Однако для самой Марцевой эта работа нелегкой стала и отражением ее личной боли. После одного из просмотров отснятого материала Вера Петровна заметила, что коллеги молча опускают глаза. Она решила, что плохо сыграла и никто не хочет ей об этом сказать. На самом же деле сказать не решились о другом: в тот момент, когда Марцевая смотрела отснятый эпизод гибели мужа Прасковья Лукьяновой, пришло известие о том, что Юрий Петрович Троицкий погиб в бою под Орлом. Судьба экранной героини словно стала для актрисы предвестником судьбы собственной.

В первые послевоенные годы в киносудьбе Марцевой появляется еще одна знаковая роль. В 1947-м на экраны выходит фильм "Сельская учительница" Марка Донского. И снова сыгранная актрисой Варвара Васильевна становится для зрителей больше чем киногероиней. В ней видят близкого человека, доброго и мудро, к которому можно обратиться за советом и помощью. И опять со всех уголков страны летят письма, в которых люди порой обращаются уже не к актрисе, а непосредственно к "род-

ной, милой Вареньке". Именно ей молодые девушки рассказывают о своем решении стать учительницами. И даже конкурс в педагогические вузы в этот период увеличивается, настолько убедительно достоверным и привлекательным оказывается образ, созданный актрисой. Через девять лет Донской предложит Марцевой роль Нилыны в экранизации "Матери" М.Горького, где она снова вернется к образу "простой русской бабы", принесшему актрисе всенародную любовь.

Но Марцевая всегда была актрисой контрастов и парадоксов. Кто мог предположить, что между двумя своими серьезными, знаковыми ролями она создаст такой мини-шедевр, как томно-капризная, жеманно-манерная, но чертовски обаятельная и по-своему поэтичная Змеюкина в экранизации "Свадьбы" А.П.Чехова. В театре же чеховские роли - Маша в "Чайке" и Елена Андреевна в "Лешем" - оказались не совсем удачными, а потому и не очень любимыми. Вера Петровна, всю жизнь искавшая в театре что-то новое и неожиданное, далеко не всегда это находила, а порой бывало и так, что роли, о которых мечтает любая актриса, оказывались Марцевой "не в пору" и не в радость. Так произошло с Кручинной в пьесе А.Н.Островского "Без вины виноватые" или с баронессой Штраль в лермонтовском "Маскараде". Однако случилось и обратное: иногда блеклый, невыразительный текст обретал новые, неожиданные краски только благодаря яркой индивидуальности актрисы. К примеру, исключительно за счет мастерства Марцевой и Плятта могли заиграть вальные диалоги А.Софронова в спектакле "Миллион за улыбку", и только их лицевидский дар оживлял бледных персонажей в пьесе Н.Вирты "Дали неотпядные". Марцевая умела находить живые краски даже для откровенно фарсовых персонажей. Актриса смело импровизировала, ища неожиданные повороты в характере своих героинь и в собственной актерской судьбе, появляясь то в образе запальчиво-насмешливой Лисистры в "Бунте женщин" Н.Хикмета и В.Комиссаржевского, то непоколебимо-твердой Маргарет Чалмерс в "Крахе" Д.Лондона. Осваивая новую по тем временам драматургию, становилась умной, сильной и чувственной Леди в пьесе Т.Уильямса "Орфей спускается в ад" или преображалась в мило-кокетливую и одновременно властную, энергичную Марию Александровну в "Дядюшкином сне" Ф.М.Достоевского...

Казалось, возможности актрисы неисчерпаемы, однако неизлечимая болезнь, с которой она боролась мужественно и стойко, в последние семь лет постоянно вырывала Марцевую из привычного ей ритма жизни, хотя так и не смогла сломить, заставить отказаться от творчества. Стоило только болезни дать ей маленькую передышку, Марцевая буквально сбегала из больницы в театр. Она никого не обременяла своими проблемами и не искала сочувствия, напротив, могла где-нибудь в кулисах стащить парик и с озорным вызовом продемонстрировать свою острожную "под ноль" голову. Остается только догадываться, чего ей все это стоило. Так и, глядя на последнюю театральную работу актрисы, к счастью, продолжающую жить на телеэкране, невозможно поверить, что Марцевая уже столь тяжело больна. Везде лувковое странной миссис Сэвидж в одноименной пьесе Дж.Патрика перекликается с жизнерадостным азартом самой актрисы. Ее героиня так же обаятельна, элегантна и на удивление моложава. Эта добросердечная, искренняя по природе женщина лишь в силу обстоятельств вынуждена быть жесткой, холодно-ироничной и дерзко-авантурной. Миссис Сэвидж навсегда осталась в памяти веселой и задумчивой, экстравагантной и мудрой, энергичной и обворожительной. И такой же парадоксальной и непредсказуемой, как сама Вера Петровна Марцевая.

Марина ГАЕВСКАЯ